

Небо хмурилось, распространяя в воздухе мерзкую водяную взвесь, далёкие раскаты грома весомо рокотали, холодный ветер развеивал мантии толпы магов внизу. Ледяные зеленые глаза рассматривали безликую из-за плохого зрения массу волшебников, собравшуюся поглазеть на его казнь, улавливая опаску и буквально витавший над толпой резкий смрад страха. Секретарь министра с выражением зачитывал список его прегрешений, звонкий голос в полной тишине разносился над головами волшебников Магической Британии. Приговорённый к казни отрешенно фиксировал краем сознания его речь и хмыкал про себя.

— Гарольд Джеймс Поттер первого августа одна тысяча девятьсот девяносто седьмого года внеочередным заседанием Визенгамота признан виновным в...

Гарри отключил слух, слушать список своих походов не хотелось, тем более, что они и половины не знают, а доказать смогли только четверть. Маг повел плечами и запрокинул голову к небу, вяло размышляя, благо список все-таки внушительный получился:

— «Все что творилось в моей жизни можно охарактеризовать двумя простыми, но емкими словами — лютый пи*дец. И это не будет преувеличением нисколько, так оно и было. Нападение старины Волди на мою семью и ее гибель, затем десять лет моего личного Азкабана с частыми побегами из дома и возвращение обратно ну прямо как „по волшебству“... Вспоминать даже перед смертью не тянет, только список болячек и психических отклонений у меня после заботы дражайших родственничков был еще более внушительным, чем список доказанных прегрешений. Беллу, которая успела раньше меня, в благодарность за убийство моих родственников я даже под ритуальный нож пускать не стал, зеленушкой приложил ласково и все, зато Невилл с ее мужем и братом развлекся на полную катушку, да. Эти убийства я на себя взял, кстати, единственные совершенные не мною на этой теневой войне. Должен же я был хоть как-то отблагодарить его? Друзьями мы не были, но я был бы рад назвать его своим другом, но не сложилось. А жаль. Но я забегаю вперед».

— «Магический мир после десяти лет заключения в Дурслькабана показался мне раем на земле, доброй сказкой, но все оказалось много хуже. Первый курс, счастье, новые впечатления и друзья: Рон и Гермиона. Да, друзья... Рон — трусливый завистливый и тупой, предававший меня не раз и не два. Да и хрен с ним. Гермиона... очень умная, невероятно, до занудства правильная, жаждущая похвалы и признания со стороны учителей и взрослых, но преданная, этого у нее не отнять. Моя первая любовь... в нее я втрескался по уши еще в поезде. Она трещала без умолку, неосознанно подавляла всех своим интеллектом, но ее теплые карие глаза я до сих пор помню в мельчайших подробностях».

-«Травля началась еще на первом курсе, но ее поддержка не дала мне окончательно замкнуться в себе и сломаться, поход в запретный коридор и встреча с одержимым Квиррелом и глобальная подстава со стороны Дамблдора с его наградой баллами на пиру в конце года. Мне это припоминали на всех моих последующих курсах остальные три факультета за редким исключением. Летом я сподобился сунуть нос в банк и узнать о своем наследстве, точнее о жалких огрызках такового — дражайший директор знатно разбазарил его, только до моего ученического сейфа добраться не смог. Точнее не стал, иначе последний представитель Рода Поттер учился бы в Хогвартсе за счет фонда для неимущих, а это уже получился бы не директор с кучей званий, а политический труп. Он мне на мой законный вопрос наплел много чего, начиная от того, что в моем ученическом сейфе достаточно денег на всю мою оставшуюся жизнь, а остальные деньги послужили делу Света, родители ему доверяли и определенно были бы не против. Да именно так, „делу Света“ с большой буквы и что самое забавное, Дамблдор не соврал, у меня в сейфе осталось еще достаточно средств. Вот только надо ли говорить, что как такового доступа к нему у меня никогда и не было, я в нем и был-то всего два раза: перед первым курсом в сопровождении Хагрида и перед вторым. И все... Второй

курс отдельная песня с плясками вокруг наследника Слизерина. Травля продолжилась, и все становилось только хуже, от преподавателей помощи никакой, лишь нотации, обвинения и придирки, с сокурсниками постоянные драки и насмешки с оскорблениями, а потом страх. Спасали только Гермиона и учеба, в которой мне интенсивно мешали. Почти под конец года очередной жертвой нападения стала Гермиона, но на этот раз уже со смертельным исходом.

Мой мир, казалось, окончательно рухнул, и я очень так серьезно начал посматривать в сторону астрономической башни, мысль о коротком захватывающем полете была столь соблазнительна, что удержала меня от самоубийства лишь навязчивая жажда мести. И я ей с удовольствием поддался».

— «Все думали, что я полез в Тайную Комнату за Джинни, но я шел убивать и умирать. Встретив призрака молодого Тома, вызвал его на магическую дуэль по старинным правилам с призывом Магии в свидетели, раскопал как-то в запретной секции библиотеки, ставя на кон все от всего своего оставшегося имущества до магии Рода и самого ценного — Родовых Даров. Я был искренен в своей ненависти и жажде мести, и Магия откликнулась на мой призыв, материализовав его полностью и вырвав из дневника. Схватка была жестокой: неумелой с моей стороны и грязной с его. Едва мы поклонились Том, забавляясь, начал меня практически размазывать по полу и калечить, а в самом конце, когда я уже захлебывался собственной кровью и хриплым из-за сорванных связок криком, он попытался натравить на меня василиска Салазара. Вот только это была его фатальная ошибка, ритуальная дуэль не предусматривает никакой помощи со стороны и василиск убил его сам, а потом меня корежило так, что я мечтал умереть».

— «В итоге я забрал его магию, Родовые Дары и оба его Рода: Гонт и Слизерин. Я проглотил два его хоркруса, правда, еще не знал об этом. Шесси, василиск Салазара после того как меня поставили на ноги и я снова наведалься в Тайную Комнату показал библиотеку основателей. Огромный кристалл с записанными в него знаниями в виде воспоминаний самих Основателей и всех последующих директоров с учителями и маленьким медным колечком, с помощью которого каждый наследник любого из основателей и директор, вступая в должность, должен был получать часть знаний. Но как только программу начали безжалостно кастрировать, доступ к этим знаниям закрылся для директоров, а наследники об этом позабыли. Шесси подчинялась Реддлу, но так как он ступил на путь нежити после своего первого хоркруса, не рассказала о настоящем наследстве, а я умудрился как „захвативший“ род и магию по всем правилам дуэли, получил полный доступ».

— «Только прикоснувшись к вершине этого айсберга, я наткнулся на упоминания о воскрешении и пропал. Я настолько погрузился в учебу, остервенело раскачивая собственные резерв и ядро, постигая все, что могло меня приблизить к заветной мечте, что практически весь третий курс прошел мимо меня, очнулся только потеряв последнего своего родного человека — Сириуса Блэка, сбежавшего из Азкабана. Он не смог улететь — у меня не хватило сил уничтожить всех дементоров, а эти падлы прекрасно летают. Когда вскрылась его невиновность, Дамблдор грустно сверкал своими очечками и только вздыхал, сокрушаясь, что поверил в его виновность».

— «А потом разразился скандал. Малфой-старший на правах опекуна Драко, его сына, являвшегося по матери Блэк попытался наложить лапу на наследство этого Рода, но не вышло, Сириус успел посетить Гринготс и составить завещание на меня. Дамблдор обрадовался и тут же поскакал тратить деньги Сириуса на благотворительность, но почему-то от своего имени. Мне же припомнили все, начиная от рождения и заканчивая попыткой становления новым Темным Лордом еще в младенчестве. Мне было по фигу на все их пляски с бубном и пустой собачий брех, я учился, не обращая внимания ни на что, забил сразу после смерти Гермионы

на квиддич и остальные мальчишеские развлечения. За что в очередной раз подвергся остракизму на своем факультете, что показательно, громче всех орал Рон — типа мой лучший друг... С каким удовольствием я ему сломал челюсть и послал на х*й... мм».

— «Летом перед четвертым курсом я узнал о хоркрусах и что сам им являлся довольно долгое время вплоть до дуэли с Томом, пораскинул немного раскошегаренными мозгами, четко уяснив какую роль мне отвел в своих планах директор и тут меня повело. Зная что, где и как искать, найти остальные не составило никакого труда, проблема возникла только с чашей, которая находилась в сейфе Беллы, и Нагини, змеей змеемордого. Медальон хранился в доме Сириуса, где я по наитию решил пройти ритуал становления наследником на Родовом алтаре. В итоге Магия признала меня наследником Рода Певерелл, так как занятия некромантией и колдомедициной пробудили давно и прочно спавший, но не утраченный с течением времени Дар к некромантии, наследником рода Гонт и Слизерин я уже являлся со времени дуэли. Наследие Рода Блэк давалось очень неохотно, но, в конце концов, покорилося, после ритуального убийства Кричера, доставшего до печенок своим бухтением и оскорблениями Сириуса. Каюсь, психанул, но нисколько не жалел об этом. Чуток отдохнув, наведаясь в старую хижину Гонтов и проглотил еще два хоркруса: медальон и кольцо. В начале четвертого курса проглотил хоркрус в диадеме, пройдя пару ритуалов увеличения магического резерва и ядра, до конца не прошел, не хватало всех ингредиентов, но и то, что получилось в итоге, было весьма недурно».

— «И начался проклятый всем кем только можно турнир, в который меня запихнули против воли, но которым я воспользовался на полную катушку. Эмансипировался и принял полное наследие, прыгнув с крючка Дамблдора. К полосканию своего имени я привык и не обращал на это внимания, полностью уйдя в собственные проекты и учебу, все дальше погружаясь в некромантию, колдомедицину, ритуалы и алхимию с боевой магией — сокурсники заскучать никак не давали. И тут мое сердце начало оттаивать, я вдруг обнаружил Диану Шайн, гриффиндорку с четвертого курса. Я никого раньше не замечал, погруженный в собственное горе и проблемы, да даже имени ее не знал к своему стыду, хоть и учились мы в одном классе. Невысокая, хрупкая блондинка с пшеничного цвета волосами, миловидным лицом и нереальными синими глазами, скромная и тихая, словно мышка. Диана единственная меня поддержала, открыто пойдя против родного факультета, когда мое имя выплюнул чертов кубок. Я снова влюбился, не прекращая любить Гермиону, но не отказался от своей цели воскресить ее. Мне было стыдно, душу драло от мысли о предательстве, но Диана золото, она меня поняла и ни разу даже не посмотрела косо, прекрасно осознавая, что я с головой погрузился во мрак искусства некромантии. И для чего. Мы немного сблизились, и она подарила мне свой, да и что уж там, и мой первый поцелуй после бала. Я был счастлив, летал как на крыльях ровно до тех пор, пока не повстречался с Волди в конце турнира... Чертов Диггори и чертов мой характер! Во мне разыгралась тяга к справедливости, и мы вместе с ним взяли за кубок, намереваясь разделить победу на двоих. Седрик погиб, даже не поняв ничего, а я присутствовал при воскрешении дебила без носа, но что мне было на руку, жаль Нагини пришлось убить, когда удирал от него».

— «После возвращения с трупом и новостью о воскрешении пугала вся Британия начался новый виток травли и обвинений, приз мне никто так и не вручил, зато заранее наградили уютной камерой в Азкабана за убийство Диггори. Как и откуда об этом узнала Диана, не знаю, но она меня предупредила, и я успел удрать. Убрать следилку с официальной палочки и метлы, подаренной Сириусом, накинуть мантию-невидимку, было делом пары минут, и меня ждало подполье. Скрываться от Министерства, Ордена Феникса, о котором я уже позже узнал, и Пожирателей с их хозяином было „весело“. Поголовье меченных сокращалось, спасибо министерству, которое до последнего отказывалось верить в возрождение Волди и они

свободно ходили по улицам. Оглушить, упереть в какой-нибудь уютный подвал Лондона или какое-нибудь отдаленное графство было плевым делом, а там пара тройка экспериментов и ритуалов для оттачивания мастерства, и я вновь выхожу на тропу войны».

-«И, в конце концов, дождался, Волди устроил побег своим приспешникам из Азкабана, а я спустя пару месяцев слежки смог подкараулить Беллу и с ее помощью под жестким Ипериусом вытащить и уничтожить последний хоркрус. В награду за Дурслей и помощь с чашей она получила Аваду и упокоилась с миром. На следующий день я узнал о смерти Дианы... Пожиратели устроили налет на приют, в котором она жила... Умирала Диана долго, а ее убийцы еще дольше. Тут, признаться честно, у меня крыша протекла окончательно, я убивал меченых, где только мог, постоянно самосовершенствуясь, мне это даже начало нравиться. Поймал братьев Лестранжей и подарил их Невиллу, время от времени дававшему мне наводку на очередного Пожирателя. Откуда он получал данные, не имею ни малейшего понятия, но я был ему просто благодарен за очередную тушку и очередной маленький шаг к своей цели. Драко перед смертью визжал как свинья, заливаясь слезами и соплями, глядя на распотрошенного папочку в классической пентаграмме, до Нарциссы добраться не смог, она во Францию удрала днем ранее. К середине июня я окончательно допек змеемордого демонстративными убийствами его сторонников и, получив ритуальный вызов по всем правилам от Волди, назначившего дуэль прямо в холле Министерства отправился туда и при всем скоплении народа угостил эту нежить ходячую простейшим заклинанием упокоения из огромного арсенала некромантии и в гробовом молчании аппарировал прочь. Доставшиеся мне по условиям дуэли рабы подошли в течение часа, никогда еще магический мир старушки Англии не знал такого массового падежа волшебников. Скольких я тем демаршем убил, не знаю, но похороны шли почти месяц. В январе девяносто шестого я провел ритуал призыва Покровительницы моего Рода и окончательно убедился, что воскресить умершего человека с душой, ушедшей к Вечной Леди невозможно, и мне уже стало все равно. Я устал от скитаний и убийств, просто пришел в Министерство и сдался аврорам, намереваясь провести свой последний ритуал. И вот, вчера меня приговорили к поцелую дементора, но я был категорически не согласен прос*ать душу и не встретиться, в крайнем случае, в чертогах Вечной Леди со своими девочками. У меня были другие, несколько иные планы на будущее и дементор играл в них не последнюю роль. Надежды на него было мало, шанс на удачный исход один к двадцати, но меня это уже никак не волновало, в самом неблагоприятном для меня случае просто умру. Да и уйти хотел красиво».

Что происходило дальше никто из целой толпы магов сказать точно не смог, да и публичная казнь происходила впервые за многие столетия, но Гарри Поттер, волшебник семнадцати лет за свою короткую жизнь умудрился натворить столько, что на его фоне даже Волан-де-Морт как-то терялся. По окончании оглашения приговора по отмашке аврора к приговоренному к казни юноше подлетел дементор, намереваясь произвести свой «поцелуй», тишина опустилась над площадью оглушительная, толпа затаила дыхание. Растрепанный и уставший юноша стоял прямо, гордо расправив плечи, смотрел в пространство под капюшоном пожирателя душ, не дрогнув ни единым мускулом на лице. Дементор в своем черном драном плаще подплыл ближе, серые, все в слизи и покрытые струпьями руки появились из широких рукавов балахона, намереваясь приспустить капюшон. Черная драная ткань чуть откинулась назад, не обнажая полностью голову, Гарри Поттер запрокинул голову к небу, а его губы шевелились, словно он молился перед смертью, по бледным губам скользнула облегченная и в чем-то умиротворенная улыбка. Дементор подтянул юного мага ближе к себе и чуть склонился, толпа затаила дыхание.

Дамблдор, присутствовавший на суде не смог не прийти на казнь, старый волшебник с горечью смотрел на своего бывшего ученика, остро сожалея о содеянном с ним. Чудовищное детство,

нерадостная юность, омраченная постоянными нападками и его, Дамблдора как опекуна предательством: зная уготованную ему участь, и на правах опекуна он искренне творил добро, используя огромные запасы золота в сейфах двух древних магических семейств. Он был убежден, что добрый и искренний мальчик будет не против, если его деньги будут использованы на добрые дела, но оглядываясь назад, стало понятно — Дамблдор откровенно обкрадывал сироту, выставляя себя меценатом и бесребреником. Он использовал его деньги, претворяя в жизнь собственные проекты, и наращивал собственный политический капитал, оставляя его в тени.

Тусклые мертвые зеленые глаза подростка директор запомнит на всю свою оставшуюся жизнь, а мелькнувшее в их глубине презрение будет раскаленным клинком вбиваться в сердце. Гарри во время следствия не проронил ни слова и даже веритасерум не смог развязать ему язык, лишь признался в убийстве братьев Лестранжей, слабо улыбнувшись Лонгботтому, который благодаря своей бабушке попал на суд, да еще сказал, что это их работа доказать его виновность и судить. Директор предлагал свою помощь, чтобы хоть как-то реабилитироваться перед ним и самим собой, но нарвался лишь на тот самый взгляд человека с испепеленной душой и молчаливое презрение. До откровенных оскорблений Гарри не опускался, но взгляд и равнодушие говорили красноречивее любых слов, настолько жалким и мерзким он себя еще никогда не чувствовал.

Разбираясь в причинах, побудивших Гарри погрузиться во тьму, Дамблдор раскопал сведения о его детстве, пущенном им на самотек, детство Реддла, еще одного упущенного им ученика по сравнению с жизнью Гарри было просто курортом. И если бы старый маг не был к этому моменту седым, поседел бы непременно, но ребенок не сломался, по крупицам возвращая в себе стальной стержень. Пережить подобное смог бы не каждый взрослый, ребенок тем более, но Гарри смог. Он обозлился, это бесспорно, но сдерживал тьму внутри только благодаря двум ныне мертвым девочкам, еще два его промаха, талантливые и сильные волшебницы были якорями для разума Гарри, а как их не стало, он пошел вразнос. Целеустремленно, быстро и без всяких масштабных сражений уничтожил Тома и всех его последователей, не размениваясь ни на какие вторые шансы, по праву силы заслужил от Магии титул Темного Лорда, но... сдался. И вот это насторожило, директор посетил все его укрытия, какие смог обнаружить, неизменно находя следы ритуалов некромантии, по крупицам, по обмолвкам Гарри при редких свидетелях он пришел к выводу, что он искал способы воскрешения. Кого именно хотел воскресить юноша, Дамблдор догадывался и одновременно радовался. Радовался тому, что Гарри был столь последователен в своей мести, не распространив ее на все магическое общество в целом, в противном случае Магический мир Британии мог бы быть окончательно уничтожен. Силы, упорства и изобретательности ему было не занимать, но видать он сдался, окончательно убедившись в невозможности воскрешения и пришел в Министерство сам с гордо поднятой головой, прекрасно осознавая, что в живых его никто не оставит.

Такая храбрость восхищала и подкупала одновременно, но... что уж теперь. Поздно.

Дамблдор отвлекся от своих размышлений, а тем временем ноги юноши оторвались от наспех наколдованного для публичной казни деревянного помоста, дементор все ближе склонялся к лицу подростка...

Зеленые глаза полыхнули внутренним светом, который смогли заметить лишь стоявшие в непосредственной близости от дементора с его жертвой, подросток подался вперед и две фигуры занялись белым призрачным пламенем, а над площадью разнесся вой агонии умирающей темной твари. Прозрачное холодное пламя пожирало обоих, никак не реагируя на тщетные попытки со стороны авроров хоть как-то прекратить это. Обе фигуры медленно сгорали, беложемчужного цвета огонь лениво пожирал плоть, уже давно не оставив ни следа от

арестантской робы на теле юноши, обнажились развеиваемые черными жирными хлопьями сажи мышцы, связки и кости. Но глаза жили до последнего, продолжая сиять зеленым внутренним светом и перед тем как вспыхнуть особенно ярко и исчезнуть бесследно, многие услышали быстро утихшие вдали тихие слова: — «Я иду к вам, девочки».

Этот миг положил начало концу школе Хогвартс, магия Основателей с потерей последнего носителя магии Салазара и наиболее сильного потомка Годрика начала медленно умирать, перетекая вслед за ним в новый мир.

<http://tl.rulate.ru/book/79573/2408208>